

Андрей БЛИНОВ

(выбор жюри)

ДОГОВОРИТЬ

Рыжий кафель обычно
 драится трижды в месяц,
Но сейчас вне графика.
 Там, в глубине палат,
Лишь о том и суд, как на этом
 на самом месте
Извивался, встречая смерть,
 господин Пилат.

И бывалые-то не помнят,
 откуда прибыл
На довольствие этот странный
 смешной старик,
Но по карточке — в своё время
 был крупной рыбой:
Прокурор ли, префект —
 из тех, кто давно привык

По работе и жизни дело иметь
 с отребьем,
Осуждать без пощады,
 не умывая рук,
И выслушивать всякий бред,
 что они натреплют,
Пропуская слова, как пыль
 на сухом ветру.

Так не буйный, но коль
 накатывает припадок,
Тянет руки к лампочке,
 к трещинам потолка

И внушает кому-то:
 договорить, мол, надо,
Надо, мол, завершить беседу,
 а всё никак...

И мозжит головой по кафелю
 больше часа,
И елозит по полу,
 напрочь лишённый сил...
А сегодня с утра он всё-таки
 достучался.
Тот другой, в потолке, —
 наверно, его простил...

КОВЧЕГ

*По вечерам и по ночам — домов
в Петербурге больше нет:
есть шестизэтажные каменные
корабли.*

Евгений Замятин, «Мамай»

Этот дом — не корабль.
 Это дом-ковчег.
Многоклеточная тоска
Для зверей, приютившихся
 на ночлег
И не думающих искать
Нечто большее. Лёгко,
 спокоен быт,
Если не за кого трястись,
Если нет ни радостей, ни обид...

А у нас всё не так, прости.
Распахнула окно:
 миллионы люстр

Рассыпаются в пустоте.
Говоришь: «Я так страшно
тебя люблю,
Что хочу от тебя детей...»

В облаках — смотри —
называет дождь,
Небеса отдают тепло.
Ты, счастливая, кроткая,
носишь дочь.
Я спускаю на воду плот.
Не погубит его самый сильный
шторм,
И, доколе хватает глаз,
Только море — бескрайний
немой простор...

Ненадолго.
Земля кругла.

Утекает время, давясь людьми.
Через двадцать чудесных лет
Дочка скажет: «Мне дорог
ваш вольный мир,
Но с любимым — сойдёт и клеть.
У него там родители... И вообще
Он уже мне почти жених...

Видишь, высится в тёмном
дворе ковчег?
Я пока поживу у них?»

ЭТОТ ВЕЩИЙ СОН

Этот вещий сон,
как и прошлых два, —
На добро иль зло?..

Сядет Верочка утром за самовар,
Станет морщить лоб,
В беспокойстве пробуя осознать,
Что же скрыто в них?

Из подвала в поле —
заветный знак,
Да ещё дневник...
А попозже с миленьким —
только с ним —
Обсуждать беду:
«Были, знаешь, серые раньше
сны,
А теперь в цвету...
Этот, нынче, — тягостен,
как ярмо,
Но манящ, как свет!
А сказать подробнее,
славный мой,

Не могу посметь».
Муж слегка поёжится, погрешит
На рутинный труд.
Но нельзя по-прежнему,
видно, жить,
Если сны не врут,
Если близок будущий идеал,
Безупречно спит...

«Вера Пална, матушка!
Вера Пал...»
Не тревожьте: спит...

Юрий КРАВЦОВ

(выбор проголосовавших в сети)

НАЧАЛЬНИК АЭРОПОРТА

И.З. Ковярову

Аэропорт — название одно.
Калитка, домик да шатёр
кленовый,
У взлётной полосы видны
в окно
Детей ватага, лошади, коровы.

Начальник ждёт с травинкою
в зубах,
Полузабытый добровольный
узник.

Зато с какой он радостью
в глазах
Встречать выходит каждый
«кукурузник».

Всю жизнь душой тянулся
в небеса,
Всю жизнь пилотом стать ему
мечталось,

Но не сбылось...
Лишь эта полоса —
Посадочная, взлётная — осталась.

Но всё равно, когда напор винта
Его фуражку синюю сдувает,
Не самолёт — Захарыча мечта
На крыльях в небо юности
взлетает!

КУКУШКА

По лесной, по клюквенной
сторонке
Пролегла сквозь травы колея.
От Суземки и до Бородёнки
Мчит «кукушка» ранняя моя.

Необычен путь и поезд этот.
Два вагона в нём и тепловоз.
Здесь по окнам хлещет море
веток
Ив, рябин, черёмух и берёз.

Можно здесь на каждом
полустанке
Выйти из июньской духоты
На простор и тут же, на стоянке,
Зачерпнуть колодезной воды,

Пить с ведёрка и не торопиться
У колодца, зная наперёд,
Что по-матерински проводница
Вновь тебя с подножки позовёт.

Снова лес в окошках покачнётся,
Снова всё куда-то поплывёт:
Сосняки, черёмухи, колодцы
И простой на станции народ.

ПОПУТЧИЦА

— Куда идёшь, бабуля?
— В Чухраи.
— А это где?
— Да тута недалече,
Через леса, лежнёвку и ручьи,
От красной Слободы
Дойдёшь под вечер.

Идём тропой песчаной —
и молчок.
Бью комаров — совсем
не до беседы.
Мужской пиджак на ней
и рюкзачок,
На босу ногу старенькие кеды.

Глаза, как бор, спокойны,
зелены.
Лицо её года избороздили.

— Мы здесь живём,
Во времена войны
В такую глушь враги
не доходили.

— А чем живёте?
— Мы на всём своём.
Пока при силе и дела неплохи:
Печём хлебы, и ягоду берём,
И молимся, чтоб выросли
картохи.

— А магазина разве нет у вас?
— Когда-то был. Теперь вот
рюкзаками
И соль, и мыло тащим про запас
И доживаем век со стариками.

Опять ни слова.

Позже я спросил:

— Ну, если жить вам тяжело
на свете,
То разве мало места на Руси?
И почему не приютят вас дети?

Прислушалась к напеву
соловьёв.

— Пускай отсюда я уеду, милый,
Но как же обойдусь
без Чухраёв?

В них жизнь прошла,
В них родичей могилы...

Наталья ВОРОПАЕВА

(выбор жюри)

Ты знаешь всё прекрасно,
милый друг:
Вернись домой. Ни тишины,
ни тайны,
Но хлопоты, и лампы жёлтый
круг,

И запах кофе, и кипящий
чайник.

Спасайся бытом, если бытие
Подходит к горлу комом
и слезами.

Мука, яйцо, ваниль, на острие
Ножа — чуть соли,
яблоки слоями.

Тоску, надежды, шёпот между
строк
Смешает брэнность и по новой
слепит.
Рецепт простой: не плачь,
пеки пирог,
Уйми в груди и стук, и глупый
лепет.

Уехать бы к холодному морю,
зимнему, серому, опустелому.
Бродить по пирсу, греться
объятями, быть частью
чего-то целого.

Посылать кому-то бумажные
письма, класть в них засохший
лист платана,
наливать красное и сухое,
не отмывая до блеска стаканы.
Просыпаться рано, читать в
постели, никуда не спешить —
ведь уже на месте,
варить в турке кофе, носить
толстый свитер, хохотать без
повода, главное — вместе.

Смотреть часами на волны
и камни...
И чтобы всё это случилось
с нами.

Начинается новый день.
Разгорается тихий свет.
Коротка от деревьев тень.
Ничего в мире злого нет.
Смерть не с нами и не про нас.
Глубока синева небес.
Так бывает, узнала я.
И теперь невозможно — без.

Юрий ПОЛУЭКТОВ

(выбор жюри)

ПРОЩАЙ, ХОРВАТИЯ

Настала прощально разлучная
встреча

На плитвицких землях
с красой неземной.

Мой край суховейный отсюда
далече,

Назавтра в дорогу, пора мне
домой.

Эдем безмятежный,
Песнь песней природы.

Мир красок пастельных,
скал строгий настрой.

Летающие в пропасть рискованные
воды.

И минное поле за близкой горой.

Ревут водопады смятенно
и гулко,

В их ярости горькие ноты
слышны.

И сотни туристов на мирной
прогулке,

Не помнящих страшной
недавней войны.

Здесь поле сражений славянской
родовы —

Двух родственных веток
земного куста,

Поборников истовой веры
Христовой,

Но в старых их храмах
два разных Христа.

Людская кичливость, нацисты
во власти,

Змеиное семя исконной вражды.

Лукавое слово —
вновь взвихрятся страсти...

А после — земные и божьи суды.

Излечит ли время, забудут
ли люди

Вражду в самом сердце
балканской земли

И тысячи тонн незаслуженной
нуди,

Что беженцы вместе со скарбом
несли?

Расслабилось море в спадающем
зное,

Здесь снова курортные
мирные дни.

Искрится алмазная змейка
прибоя,

На яхтах зажглись ходовые огни.

Круизный кораблик закончил
регату.

Разносчика пиццы исчерпан
маршрут.

Прощальное фото на фоне
заката.

Над катером в сумерках сник
парашют.

Останется память красот
знаменитых,

Заласканных вечным
приморским теплом,

Слёз скорбных кручина
на скальных ланитах

И судеб людских безутешный
разлом.

ДОКТОРАМ

Ночная степь, ненастная дорога,
назойливой тревоге нет конца,
как вдруг блеснут на выезде
из лога
огни — и просветляются сердца.

Так и на нашей личной
однопутке,
когда покажется, что впереди
тупик,
что счёт на самые последние
минутки
в груди ведёт недужный
паровик, —

вы наш огонь, забрезживший
надеждой,
спасение измученным сердцам,
и только вам опять, как было
прежде,
ответствовать и стонам,
и мольбам.

Вы постоянно в поиске ответа.
Мы вечные заложники пути.
Спасибо вам за тех,
кто вышел к свету.
И... Бог, прости,
кто не сумел дойти

.***

Орган, рыдающий в костёле,
осенний плач пролётных птиц

пленают. Но я к тиши застойной
привык: здесь царствие страниц.

Приятен звуков хор летящий,
но слов печатных шаг точней
расскажет о непреходящем
в круговороте быстрых дней.

Декабрь беснуется белее,
подлее кажется обман,
свет перед ливнем холоднее,
рассветный призрачней туман.

Синее гроздь дремлют в лозах,
звучней сосульки за окном,
и незаслуженнее грозы,
и сиротливей отчий дом.

Желанней ранняя пороша,
печальней старческие сны,
и всё невыносимей ноша
неискупаемой вины.

И идеальней поклоненье.
И солонее жизни соль.
И сладострастнее томленье.
И сострадательнее боль.

Всё сущее стремится к слову,
являя в слове жизни суть,
чтоб первоизданную основу
Вселенной ярче подчеркнуть.